

Независимая газета

Незаметная смена эпох

Усиливать свой контроль над обществом российская власть больше не сможет

2008-07-23 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Наблюдатели нашего политического процесса разделились сейчас на две основные группы. Одни верят в то, что Медведев решительно возьмет в свои руки всю власть, отстранит Путина и принесет «оттепель», дуновение которой они уже ощущают. Другие в это не верят, считают, что власть все равно сохранилась у Путина, а Медведев – или слишком слаб, или сам такой же. Но и те и другие, увлеченные разворачивающимся перед нами «телесериалом», пожалуй, не обращают должного внимания на уже свершившуюся перемену.

Дело в том, что, на мой взгляд, мы перешли рубеж, который менее нагляден, но более важен, чем все предшествующие драматические вехи нашего развития, начиная с беловежских соглашений (расстрел парламента, принятие Конституции, выборы 1996 года, смена Ельцина Путиным, чеченские войны, арест Ходорковского и т.д.). Уход Путина и назначение-избрание Медведева – только внешние проявления этой перемены. Произошла она, я думаю, еще в период второго президентского срока Путина, причем практически незаметно. Что же это за рубеж?

Дальше ехать некуда

Начиная с 1991 года, с момента зарождения нашей политической системы, все наше политическое развитие шло только в одном направлении – превращения президентской власти в безальтернативную и усиления ее контроля над обществом, который должен обеспечить эту безальтернативность. За этот период мы прошли громадный, трудный и даже кровавый путь, в ходе которого наш политический организм претерпел колоссальные и драматические изменения.

В 1991 году немногие могли представить себе, что преемником Ельцина будет не кто-то из демократических «витий» рубежа 80-х и 90-х годов, а никому не известный скромный офицер КГБ. Что в 2008 году ситуация будет такой, что народ проголосует на президентских выборах за любую предложенную этим преемником кандидатуру. Что в парламенте будут не какие-нибудь социал-демократическая и христианско-демократическая партии, а «Единая Россия», горстка эсэров, соревнующихся с «Единой Россией» в беззаветной преданности президенту, и чуть-чуть коммунистов и жириновцев. В «могучем дубе» путинской власти 2004–2008 годов можно и не узнать нежный и слабый ельцинский росточек 1991 года. Но в период второго путинского срока быстрота изменений замедляется, а уход Путина и приход Медведева – события, уже никак в эту общую логику не укладываемые. Наша политическая система незаметно перешла в новое качество, принципиально новую стадию развития.

Теоретически мы вроде бы еще могли двигаться вперед по заданному изначально направлению. Путин мог изменить Конституцию, чтобы остаться президентом. Он мог оставить из всех политических партий одну «Единую Россию». Мог вообще уничтожить национальные республики, уравнив их с другими регионами, и перейти к простому назначению губернаторов, без всяких утверждений законодательными собраниями. Наверное, мог бы, если бы очень захотел, «раскулачить» и отправить в Сибирь далеко не одного Ходорковского. Мог сделать из «Наших» настоящий комсомол. Мог ввести в школах не какие-то жалкие факультативные «Основы православной культуры», а просто обязательный Закон Божий. Много чего еще мог. И, несомненно, была сильная инерция движения. Но, хотя никаких зримых преград для продолжения движения не было, оно стало упираться в невидимую, но мощную преграду.

Дальнейшее движение означало бы отказ от идеи, что Россия пусть своим и сложным путем, но строит демократию (или даже уже ею является), что она – федерация, вообще что она – пусть с некоторыми национальными особенностями, но такая же страна, как те страны, с руководителями которых Путин регулярно встречался на саммитах «восьмерки». Мы приближались к порогу, когда количественные изменения очень зримо перерастали в качественные, и продолжать движение вперед было уже невозможно без каких-то сознательных и радикальных решений, для которых нужна была сильная дополнительная мотивация (идейная и психологическая).

Кроме того, двигаться далее по заданному пути оказывалось уже как бы бессмысленно. В самом деле, мотивом всей политики нашей власти было ее укрепление, уничтожение реальных и потенциальных угроз. Но в период второго путинского срока все реальные угрозы (в лице коммунистов, либералов, олигархов, сепаратистов, региональных баронов) исчезли, а потенциальные стали чисто «теоретическими». Если народ дошел до состояния, когда президент может назвать в самый последний момент любую фамилию своего преемника и знать, что этот преемник будет избран подавляющим большинством голосов даже без особых фальсификаций, то требовать от этого народа большего может разве что больной властолюбец и садист вроде Калигулы. Дальнейшее движение вперед по пути усиления контроля над обществом делается излишним, избыточным.

И, более того, оно становилось уже опасным и контрпродуктивным. Когда закручиваешь гайки, надо вовремя остановиться, иначе сорвешь резьбу. Инерция движения уже начала выводить за ту невидимую черту, когда дальнейшее усиление контроля может привести или уже приводит к его потере, и власть стала останавливаться и даже делать шаги назад (что не связано со сменой Путина Медведевым). Так, хотя олигархов у нас много и отнятие у них несправедливо нажитой собственности – занятие увлекательное и приятное, после изгнания Березовского и Гусинского, после осуждения и разорения Ходорковского продолжения не последовало. Власть понимает, что олигархи уже напуганы и опасности не представляют, а если их и дальше «раскулачивать» – они могут устроить что-то дестабилизирующее, как загнанный собакой в угол котенок может броситься на собаку.

Новая перспектива

В случае с главами национальных республик эту невидимую черту уже почти перешли. Руководители регионов стали полностью подконтрольны и безоговорочно лояльны. Но вот возникла идея (вполне логично вытекающая из всего нашего развития, но уже «излишняя»), что пора главам национальных республик перестать называться президентами – ведь на деле никакие они не президенты, а для настоящего президента даже как бы оскорбительно, что есть еще и другие. И неожиданно даже очень лояльные и осторожные Шаймиев и Рахимов не только резко выступили против, но стали призывать вернуться к избранию глав регионов прямым голосованием, открыто критиковать путинскую централизацию. Тут же было заявлено, что никаких планов по лишению глав национальных республик их титулов нет. В нашем административном устройстве очень много такого, что раздражает бюрократическое сознание, всегда стремящееся к симметричности, однородности. И поэтому совершенно естественным было желание уничтожить маленькие национальные образования, слить их с большими русскими. С бедными коми-пермяками и бурятами так и поступили. Но уже на Адыгее эти слияния прекратились: слить Адыгею с Краснодарским краем собирались, но не решились. Путин не позволил.

Уход Путина и назначение им более либерального Медведева можно понять лишь на этом общем фоне: достигнут этап, когда дальнейшее движение по пути усиления контроля власти над обществом или замедляется и останавливается, или становится опасным и контрпродуктивным, может ускорить гибель политического организма – этап максимально допустимой в данной общественной системе степени контроля власти над обществом. Это, несомненно, были свободные решения Путина. И он сам мог бы принять другие, и тем более иные решения мог бы принять другой человек, окажись он на его месте в результате какой-то иной комбинации случайных обстоятельств в 1999 году. И даже нельзя сказать, что это были наиболее вероятные и естественные решения в путинской ситуации. Наоборот, они – оригинальны и беспрецедентны, они – продукт его «политического творчества». И тем не менее это – внешнее и случайное проявление безличного и естественного процесса.

Мы достигли предела роста. Наступил период «зрелости», стабилизации, за которым так же естественно должен прийти период, когда на смену этому социально-политическому организму придет другой.

Постсоветские параллели

То, что мы имеем дело с закономерным процессом, я думаю, становится особенно зримо при сравнении развития нашей системы с другими однотипными и аналогичными системами.

Советскую систему, конечно, трудно назвать однотипной с нашей. Степени необходимого и возможного контроля над обществом в системе, основанной на целостной догматической идеологии, и в системе «имитационной демократии» – разные. Но в обеих этих системах главным мотивом властных решений были усиление и стабилизация безальтернативной власти, последовательное устранение всех реальных и

потенциальных опасностей для нее. И в логике советского и постсоветского развития – много общего.

В советскую эпоху вначале тоже происходили бурные изменения, быстрое движение в одном направлении. XVI и XVII съезды партии отличались от XII и XIII даже больше, чем наш теперешний парламент – от парламента 1991 года. В советской системе максимум независимости власти от кого бы то ни было и зависимости от нее всех был достигнут при Сталине. И это было концом поступательного развития. Социализм – уже построен, колхозы – уже есть, все оппозиции в партии – давно уже ликвидированы, все самостоятельные и опасные политические фигуры – давно уже убиты, идеологический контроль – уже тотальный, атомная бомба – уже полностью гарантирует внешнюю безопасность. Движение дальше практически уже непредставимо. Контролировать общество еще строже уже просто невозможно. ТERRORИЗИРОВАТЬ дальше и без того боящихся собственной тени людей было уже и излишне, и опасно. И со смертью Сталина движение вперед прекращается. Форма, в которой наступил новый этап (смерть Сталина, уничтожение Берия, возвышение Хрущева), была случайной и альтернативной, но само наступление нового этапа – закономерным. Мы как бы уткнулись в невидимую преграду, сделали ряд шагов назад и затем долгое время просто стояли на месте, боясь пошевелиться, что справедливо называлось «зрелым» социализмом. А когда стали шевелиться, начался распад.

Схожий ритм мы видим и в значительно более близких к нашей, чем советская, системах постсоветских имитационных демократий, развивающихся во многом параллельно с нами. Между Россией и другими постсоветскими странами с аналогичными системами есть определенные различия. В таких странах, как Казахстан или Узбекистан, авторитаризм имеет идейные оправдания, которых у него нет в России («пусть наше общество не демократично, но главное, что это – первое в истории казахское или узбекское государство, а демократия придет потом»). В них меньше претензий на европейскость и респектабельность. Членами «восьмерки» никто из них не является. В мусульманских странах есть реальная угроза неприемлемого для элиты «исламизма», в то время как выполнявшая у нас аналогичную функцию угроза коммунистов уже исчезла. Отчасти поэтому, очевидно, для Назарбаева, Каримова, Алиева, Лукашенко было легче сделать то, что не захотел или не смог сделать Путин, – изменить Конституцию и продлить свою власть. Рубеж, отделяющий развитие по восходящей, период роста от периода стабилизации, в этих странах, очевидно, – несколько дальше, чем у нас.

Тем не менее и здесь развитие достигает определенной точки и останавливается. Все-таки никто из этих президентов (даже покойный Ниязов) не решился просто объявить себя пожизненным главой государства, и везде после достижения максимума контроля власти над обществом начинаются «топтание на месте» и даже частичные «либерализации», как бы «танцы» рядом с невидимым рубежом, от которого отходят, а затем снова к нему подступают. Назарбаев достиг однопартийного парламента, но сейчас он будет стараться, чтобы в следующем парламенте была какая-нибудь оппозиция. Бердымухамедов

просто не может ни сохранить культ Ниязова в прежних масштабах, ни организовать аналогичный свой, и все чаще поминает Конституцию и законность. Лукашенко вроде бы собирается ввести представителей оппозиции в участковые избирательные комиссии. К демократии и даже «демократизации» все это прямого отношения не имеет, но речь идет не о демократии, а о прекращении поступательного движения.

* * *

Теперешняя ситуация «двоевластия» в России неустойчива, и именно поэтому скорее всего какое-то время наверху все будут тщательно избегать любых резких движений, чтобы, не дай бог, не нарушить хрупкого равновесия. Ждать в ближайшее время драматических событий, вполне вероятно, не стоит. Но наступление нового этапа не обязательно связано с драматическими событиями. Оно может быть, наоборот, связано с тем, что бурные изменения прекращаются.

Мы смотрим на ребенка и говорим: «Как он вырос за лето! Я бы его и не узнал». Но затем быстрые перемены останавливаются. И именно это означает, что организм достиг зрелости, вступил в принципиально новую стадию своей жизни.

Потом, конечно, снова начнутся драматические изменения («Боже, как он постарел!»). Но это – потом.